

ХАННА ХАУЭЛЛ

Если он
поддастся

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Х26

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Hannah Howell
IF HE'S TEMPTED

Перевод с английского *И. П. Родина*

Компьютерный дизайн *Г. В. Смирновой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения издательства
Zebra Books an imprint of Kensington Publishing Corp.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Хауэлл, Ханна.

Х26 Если он поддастся : роман / Хауэлл Ханна ; [пер. с
англ. И. П. Родина]. — Москва : Издательство АСТ,
2015. — 320 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-087147-6

Молодая вдова леди Олимпия Уорлок весьма известна в лондонском свете благодаря уникальному дару – способности видеть, будто наяву, местонахождение пропавших людей и предметов.

На сей раз юная девушка просит найти исчезнувшего брата, Брента Маллама, графа Филдгейта, – единственного, кто может избавить ее от ненавистного брака по расчету.

Однако, увидев мысленным взором графа, опустившегося, огуленного вином, в обществе хищных куртизанок, Олимпия понимает, что сама должна спасти его из болота, в котором он увяз, и призвать на помощь сестре.

Так начинается захватывающая история опасных приключений, изощренных интриг – и, конечно, любви, страстной и всепоглощающей...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Hannah Howell, 2012

© Перевод. И. П. Родин, 2014

ISBN 978-5-17-087147-6

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Глава 1

Лондон

Осень 1790 года

Леди Олимпия Уорлок ненавидела женский плач. И чем моложе была женщина, тем труднее это было переносить. При виде их слез в ней начинали бунтовать все ее материнские инстинкты, которые иногда хотелось укротить, — ведь леди Олимпия была еще не столь стара, чтобы испытывать материнские чувства к юной особе, внешность которой свидетельствовала о том, что через год, в крайнем случае другой, она будет готова начать охоту за мужьями. Огромные серо-голубые глаза девушки, стоявшей перед ее дверью, были полны слез, и Олимпия поняла, что поток влаги мог пролиться в любой момент.

Олимпия подавила готовое вырваться ругательство. Дорогой наряд и внешность — изящная и изысканная — говорили о благородном происхождении посетительницы. Накидка же, в которую та куталась в тщетной попытке укрыться от любопытных глаз, ушла бы на ярмарке за сумму, вполне достаточную, чтобы прокормить семейство бедняков в течение года, а может, и дольше. Где-то рядом должна была обретаться ее служанка, если не здоровенный — при оружии — слуга.

— Мне нужно увидеться с Эштоном, лордом Редманом, — сказала девушка.

— Его здесь нет, — ответила Олимпия и, осмотрев улицу, над которой уже повисли вечерние сумерки, отметила, что их короткий разговор стал привлекать внимание.

Ее семья потихоньку выкупала все дома по соседству, однако здесь продолжали жить еще несколько чужаков, а люди, не связанные с ней кровным родством, непременно начнут сплетничать — можно было не сомневаться.

— Зайдите, — сказала Олимпия и, схватив незнакомку за руку, втянула в дом. — Вы же не хотите обсуждать свои проблемы на улице... — Она провела незваную гостью в гостиную.

— О нет, конечно, нет, — прошептала девушка и поспешно села на стул, на который ей взмахом руки указала Олимпия. — Новость о нашей беседе может дойти до моей матери.

«То, что незнакомка заботится о таких вещах, не предвещает ничего хорошего», — подумала Олимпия. В этом ей увиделся намек на то, что юная особа вознамерилась найти кого-нибудь, кто встрянет в ее распри с собственной матерью.

Олимпия занялась приготовлением чая, немного пожалев, что чай и бисквиты, которыми она решила побаловать себя в одиночестве, теперь придется делить с незваной гостьей. Как будто ей уже надоело сладостное одиночество, проводимое в размышлениях, при полном отсутствии проблем.

— Не могли бы вы сказать... Так кто же вы? — спросила она и увидела, как бледные щеки девушки порозовели от смущения.

— Я леди Агата Маллам, сестра Брента Маллама, графа Филдгейта.

Хоть и с трудом, но Олимпия все же сдержалась и не выхватила чашку с чаем из рук девушки; ей ужасно хотелось вытолкать гостью на улицу. И не потому, что за последние несколько лет лорд Филдгейт создал себе отвратительную репутацию — в ее собственной семье тоже хватало отчаянных повес, — а потому, что мать этой юной леди принадлежала к дамам, от которых Олимпия пыталась держаться как можно дальше, чего бы это ни стоило. И если Филдгейт прославился своими пьяными загулами, азартными играми и амурными похождениями, то его матушку общество знало как женщину, обладавшую огромной властью и готовую безжалостно ею воспользоваться. Для Олимпии не составляло секрета, что за блестящими манерами, утонченностью и изяществом вкупе с самой благороднейшей родословной скрывалась глубоко порочная душа леди Летиции Маллам. Это не было секретом и для других членов семьи Олимпии, которые знали, что упомянутая дама продала в бордель невинную девушку только для того, чтобы удержать сына от женитьбы на ней. Столь жестокий поступок привел к смерти бедняжки и, как была уверена Олимпия, также к тому, что Брент Маллам неуклонно погружался в темное болото разврата.

В ответ на слова гостью Олимпия кивнула и тоже представилась:

— А я леди Олимпия Уорлок, баронесса Миртл-даунс.

— Я знаю. Нас не знакомили, но мне вас показывали. Вы не знаете, когда Эштон вернется?

— Думаю, он перевезет всех назад в город к концу осени, как только моя племянница придет в себя после родов. Сейчас Лондон не самое подходящее место для маленьких детей.

Нижняя губа девушки задрожала, что с тревогой отметила Олимпия и быстро придвинула поближе к ней блюдо с кексами и бисквитами. Олимпия не считала чай панацеей от всех бед — хотя это утверждали повсеместно, — но понадеялась, что лить слезы и одновременно пить чай, закусывая кексами, — дело совершенно невозможное.

— Поздно... Меня это не спасет, — сказала Агата, и вид у нее был такой, словно все ее надежды рухнули в одну секунду и обратились в прах.

Олимпия подавила в себе желание обнять юную леди, погладить по спине и сказать, что все будет прекрасно. Но таких заверений она дать не могла, так как даже знала, в чем, собственно, заключались тревоги сестры Брента.

И еще Олимпия удивилась: почему же у нее из головы не выходил этот самый Брент? Она сомневалась, что провела в его компании больше нескольких часов за последние несколько лет. Ей следовало бы величать его милордом или даже лордом Филдгейтом, но уж никак не Брентом — ведь они не были ни друзьями, ни близкими родственниками. Странно было и то, что она сейчас ясно представила себе его облик. Более того, при одной мысли о том, что глаза у него темно-серые и потрясающей красоты внешность, ей даже стало немного жарко, и это привело ее в замешательство. Да, она любила наблюдать за красивыми джентльменами, но от подобного занятия ее еще никогда не бросало в жар.

— Поздно — для чего? — поинтересовалась Олимпия и мысленно отчитала себя за то, что не сразу отправилась домой.

— Для того, чтобы остановить мое замужество.

— Замужество? Но вы выглядите еще недостаточно взрослой для этого.

— Мне недавно исполнилось шестнадцать, но мать решила, что пришла пора выдать меня замуж. В настоящее время она ведет переговоры с человеком, который горит желанием жениться на мне. — Агата сделала глубокий вдох; ее прерывистое дыхание лишней раз доказывало, что ей не удавалось взять себя в руки. — Она пытается договориться с Хорасом Минденом, бароном Минден-Грейнджем.

Олимпия чуть не уронила чашку, которую как раз поднесла ко рту. Она редко выезжала в свет, считая это занятие скучным. Люди, встречавшиеся ей там, были никчемными, очень часто — откровенно жестокими, поэтому она общалась с ними только в случае крайней необходимости. Но даже ей было знакомо это имя. Барон пользовался не только славой старого развратника: распутников среди титулованных джентльменов было множество — хоть тот же граф Филдгейт, — однако Минден, по слухам, отличался запредельной греховностью, и говорили, что в этом ему не было равных. Поговаривали также, что три его предыдущих жены скончались не из-за болезней и несчастного случая, как было объявлено официально. Правда, и доказательств обратного никто не приводил. И никто не видел его детей, хотя краем уха Олимпии как-то довелось услышать, что у Миндена имелось восемь чад.

— Вы в этом уверены? — спросила она девушку.

— Я слышала их разговор, — заверила ее Агата. — Мамочка собирается получить за меня кучу денег. Барон пока не принял решения, но я слышала, как мамочка сказала, что ему страшно хочется заполучить в жены молоденькую девственницу. — Агата быстро заморгала, безуспешно пытаясь скрыть слезы. — Конечно, я знаю свое место. Я должна выйти замуж за того, кого выберет семья, но мне хотелось бы переждать хотя

бы один сезон: а вдруг мне еще встретится достойный джентльмен? Я вообще-то не очень переживаю из-за того, что мужчина, которого мне выберут, может оказаться намного старше меня: это весьма распространено, — но мне невыносима сама мысль о браке с Миндемом. Даже до меня дошли слухи о том, что он за человек и что творит в припадках ярости. От этих историй меня тошнит.

— Иначе и быть не может, — пробормотала Олимпия. Она потягивала чай маленькими глотками и мысленно удивлялась: «Кто же оказался настолько жестоким или черствым душой, что рассказал невинной девочке подобные вещи?» — Как, по вашему мнению, Эштон сможет помочь вам? Он ведь не входит в число ваших родственников...

— Он найдет Брента и расскажет ему о моих опасениях. Я попыталась сама найти брата, потому что он глава семьи, однако мне сказали, что сейчас с ним невозможно связаться. Ни на одно из писем, которые я ему отправила, ответа не пришло. У меня даже нет уверенности, что они дошли до него, хотя я приняла все меры предосторожности, чтобы их не перехватили. Мне очень трудно, потому что неизвестно, кому можно довериться в собственном доме. Мамочка запугала всех слуг.

— Вам больше не к кому обратиться в своей семье?

— Две старших сестры замужем. Мне не верится, что они обратят внимание на мои призывы о помощи. К тому же сестры намного старше меня и у них собственный опыт замужней жизни. Их браки устраивал отец, и я уверена, что мужей им он выбрал, исходя из того, сколько денег за них заплатят, а не из того, подойдут ли женихи Мэри и Элис и будут ли они счастливы с такими мужьями. Я помню жаркие споры на эту

тому между папочкой и Brentом, пока шли переговоры. Их, кстати, завершили во время отъезда Brentа. Ему даже не послали приглашение на свадебные церемонии. Я думаю, отец понимал, что брат будет против этих браков. А двое других братьев младше нас с Brentом. Их отослали в школу, и им ни до чего нет дела. — Агата нахмурилась. — Я не знаю, в чем дело, но у мамочки не было детей после Brentа в течение почти семнадцати лет. А потом на свет появились я, Джаспер и Эмери.

Олимпии же все было ясно. У человека не стало денег на то, чтобы содержать любовниц и платить куртизанкам, компанией которых он наслаждался годами, поэтому пришлось возвратиться в объятия давным-давно брошенной супруги. На короткий миг Олимпии даже стало жалко леди Летицию, которой столько горечи принесло поведение мужа, но потом она решила повременить с сочувствием. Действия, предпринятые Летицией, чтобы отвратить сына от любимой женщины, казались воистину дьявольскими, и их невозможно было объяснить пренебрежительным отношением мужа. Судя по всему, зло поселилось в душе этой женщины изначально.

— Вы не знаете, как связаться с Эштоном или Brentом, миледи? — спросила Агата, вторгаясь в мысли Олимпии.

— Как я уже сказала, Эштон дожидается рождения следующего ребенка, поэтому мне не кажется, что он сможет быть вам полезным. Он никуда не уедет от жены. Да у него и возможностей таких нет, чтобы помочь вам. Он ведь вам не родственник, даже не какой-нибудь дальний кузен...

— Он мог бы застрелить Миндена, — пробормотала девушка.

— Он, конечно, может. Однако я совсем не уверена, что Пенелопа захочет, чтобы ее мужа вздернули на виселице или отправили в ссылку. — Олимпия скрыла улыбку и добавила: — Я попробую сама добраться до вашего брата.

Но Олимпия тут же пожалела о своем обещании. Она уже была сыта по горло проблемами своего братца Аретаса, а до этого разбиралась с делами своей племянницы Пенелопы, а также их кузин Хлои и Алетии. Проблемы же этой девушки не имели отношения к семье Олимпии, однако... Вне всякого сомнения, в них придется окунуться с головой. Да и какой женщине не захочется помочь невинной молоденькой девушке избежать брака, если ее насильно выдают замуж за человека с репутацией чернее ночи?

— Вы сделаете это ради меня? — спросила Агата, прижав руки к груди.

— Да. Постараюсь. Могу обещать только это. А сейчас... Допивайте свой чай, и я прослежу, чтобы вас благополучно доставили до дома.

— Только надо сделать так, чтобы никто меня не увидел, если вы не возражаете. — Девушка вспыхнула. — Мама не должна узнать, что я пытаюсь найти кого-нибудь, кто смог бы мне помочь, иначе она положит этому конец. Я думаю, она никому не позволит нарушить ее планы. Я должна действовать в полной тайне.

— Можете в этом полностью на меня положиться, миледи. Моя семья отличается тем, что прекрасно умеет хранить секреты. — Олимпия нахмурилась и добавила: — Но ведь ваш брат является главой семейства... Каким же образом леди Летиция сможет выдать вас замуж, не поставив его в известность? Ей по меньшей мере нужно будет получить от него подписи на не-

скольких документах, прежде чем она передаст вас в руки Миндена.

— Мать собирается подделать его подпись. Так уже было несколько раз. Я думаю, что она вдобавок попробует убедить кое-кого из влиятельных людей, что только у нее есть права на меня, потому что брат превратился в то... во что превратился.

В течение получаса Олимпия осторожно выуживала из Агаты всю информацию об уловках и приемах, с помощью которых ее мать вела свои дела. Прекрасно владевшая искусством подслушивать, девушка смогла многое поведать — даже о тех случаях, когда сама не вполне понимала, о чем шла речь. Но все рассказанное ею не имело подтверждения, и иногда казалось, что ее слова не более чем предположения. И все же Олимпия была почти уверена, что по леди Летиции Маллам давно плакала веревка. И Олимпия совершенно не удивилась, когда в конце беседы вдруг обнаружилось, что леди Летиция стакнулась с Минденом не только для того, чтобы повернуть замужество последней из своих дочерей.

Поняв, что Агате больше нечего рассказать, Олимпия позвала своего слугу Пола. Она дала девушке строгие инструкции, объяснив, как, сохраняя полную тайну, входить с ней в контакт в случае необходимости, а потом сказала слуге, как доставить девушку домой, не привлекая к себе внимания. Когда же за Агатой и Полом закрылась дверь, она расположилась на небольшом диванчике и закрыла глаза.

«Нужно ожесточить свое сердце», — пришла к выводу Олимпия после недолгих размышлений. Она не могла бросаться на помощь всем, кто об этом попросит. Тем более что решение проблем, которые постоянно возникали в ее семье, требовали от нее и времени, и сил. Когда она

занималась делами Аретаса, ее жизни угрожала реальная опасность, и страх до сих пор преследовал Олимпию, пробуждая у нее давние мрачные воспоминания. Каждое событие, участницей которого она становилась в течение последних трех лет, могло закончиться для нее весьма печально. И вот — новая напасть... Она вдруг поняла, что ей не хочется заниматься чужими делами.

— Похоже, мной начинает овладевать трусость, — пробормотала Олимпия с отвращением к самой себе.

— Нет, миледи. Надеюсь, это осторожность, а не трусость.

Олимпия открыла глаза и улыбнулась своей горничной Энид Джонс. Скорее даже компаньонке, чем горничной, потому что Энид находилась при ней еще с тех времен, когда они были маленькими детьми. И она знала: Энид говорила то, что думала, — это было видно по ее карим глазам.

— Юная леди нуждается в помощи, и я только что предложила ей себя в качестве защитницы, — призналась Олимпия.

— Мне кажется, по-другому и быть не могло. Но разве это трусость?

— Я слишком стара для подобных дел.

— Если это правда, мне уже пора быть одной ногой в могиле. Я ведь на два года старше вас. — Энид улыбнулась и села рядом с Олимпией. — Итак, что нужно сделать, чтобы помочь этой девушке?

— У меня сложилось впечатление, что мать леди Агаты — прекрасный образчик человеческого низости. Она собирается сбить девочку сэру Хорасу Миндену, барону Минден-Грейнджу. — Увидев, как побледнела Энид, Олимпия не удивилась.

— Он ведь ей в деды годится. И развратник до мозга костей.

— Вне всякого сомнения. И я боюсь, мать девочки хочет окунуться в глубины этого разврата.

— Но зачем?.. Зачем этой женщине нужна грязь, в которой копошится барон?

— Деньги! Если дорогая мамочка введет Горация в семью через замужество дочери, тогда в ее распоряжении появится новый способ набить кошелек.

— Неужели женщина сможет отдать свою плоть и кровь на поругание такому человеку?

— Тебе известно имя моей визитерши, Энид?

— Откуда? Вы же сами встретили...

— Ах, да-да... Так вот, юная дева, которую твой обожаемый муж Пол провожает сейчас домой, — сестра Брента Маллама, графа Филдгейта. — Глаза Энид округлились от ужаса, а Олимпия кивнула: — Вот-вот... Мы говорим о той женщине, что продала в бордель девушку, которую любил ее сын и на которой собирался жениться, — о той женщине, которая сейчас угрожает своей дочери. Конечно, у нас с тобой нет доказательств, что эта женщина приказала убить несчастную Фейт, но только благодаря ее усилиям девочка оказалась в том аду, а потом и в могиле. А дитя с ангельским лицом, которое только что вышло отсюда, — дочь леди Летиции Маллам. Бедняжка!

— Почему же она не обратилась за помощью к брату?

— Не знаю наверняка, пыталась ли бедняжка увидеться с ним, но она утверждает, что несколько раз писала ему обо всем происходящем, последний раз — две недели назад или около того. И никакого ответа. Не было даже записки от него. Она почти уверена, что ни одно из ее писем не дошло до брата. Несмотря на все меры предосторожности, предпринятые ею, кто-то перехватывал ее почту. Между прочим, не так давно рас-

пространились слухи о том, что Филдгейт пошел по той же дорожке, что и Минден, идет по ней уже несколько лет — и пока что довольно резво. Когда я видела Филдгейта последний раз, он был...

Энид толкнула хозяйку локтем в бок.

— Почему вы замолчали, миледи?

— Ох, от людей типа Миндена я теряю дар речи. Мысль о том, что молоденькую девушку отдадут Миндену, вызывает у меня тошноту и головную боль. — Олимпия пожала плечами. — Какому нормальному человеку захочется заниматься подобными делами?

— Никакому, я уверена, — согласилась Энид. — Но почему девочка решила, что вы сможете что-нибудь сделать для нее?

— Вообще-то она искала не меня, а Эштона, потому что явно понадеялась на то, что графский друг детства знает, каким образом передать ему весточку.

Олимпия побарабанила пальцами по подлокотнику диванчика. Она могла бы отправить несколько строк Эштону, но ей страшно не хотелось это делать. Его семье пока не следовало возвращаться в Лондон. Так было бы лучше и для Пенелопы, которая опять ходила беременная — слишком скоро после рождения близнецов. Что ж, Олимпии предстояло серьезно поговорить с племянницей о том, как избегать таких частых беременностей. Если потребуется, она и с Эштоном поговорит на эту тему.

— Я думаю, нам нужно держать Эштона подальше от этой грязи, — тихо проговорила Олимпия.

— Лорд Редман наверняка будет недоволен. — Энид принялась собирать чайную посуду.

— Ни к чему сообщать ему об этом. Пенелопе необходимо оставаться за городом, а если Редман надумает поехать к Филдгейту, то она будет настаивать,

чтобы отправиться вместе с ним. К сожалению, все члены моей семьи сейчас находятся вне пределов столицы, и все они заняты своими делами.

Энид покачала головой:

— Сомневаюсь, миледи. Ваша семья весьма велика, и наверняка не все ваши родственники уехали из Лондона.

— Может, и так. Только мне сейчас не приходит на ум, кто из них мог бы оказаться под рукой. — Олимпия встала и расправила юбки. — Я должна отправить Филдгейту письмо. И тогда увидим, игнорирует ли он корреспонденцию только от своей семьи — или игнорирует все и всех.

— Вы собираетесь заняться этим делом лично?

— Разве не ко мне лично обратились за помощью?

— На самом деле это не так. Вы просто случайно сами открыли дверь. — Не обращая внимания на хмурый вид Олимпии, Энид добавила: — Я думаю, вам лучше бы сообщить лорду Рэдману, что на горизонте собираются тучи.

— Если удастся придумать, как поставить его в известность, но так, чтобы при этом он тут же не сел на коня и не помчался на помощь другу, — тогда я это сделаю.

— Что ж, понятно... Я слышала, граф Филдгейт перешел в стан либертианцев-развратников. Может, граф пока еще не вывалялся в грязи, как Минден, однако уже близок к этому. Перед ним закрывают двери. Недавно разнеслись слухи, что граф начал совершать обходы домов. Так вот, несмотря на то что он молод, богат и не женат, многие семьи пытаются оградить от него своих дочерей. И мне кажется, что лучше бы эти заботы переложить на плечи мужчин.

— Чушь! — отрезала Олимпия, выходя из комнаты вслед за Энид. — Но надо сделать так, чтобы граф полностью осознал: его сестре грозит опасность.